

Ночь еще длинна.

Цзян Юань не стал допытываться до того, что и так было очевидно, да и лишних слов говорить не спешил — он просто составлял компанию Лу Чунъюэ, уплетая одну шпажку за другой. Дождавшись, когда тарелки почти опустеют, он наконец произнес:

— Ладно, за этот ужин платишь ты, а ночлег я беру на себя, как тебе такой расклад?

— Вали, самый умный нашёлся, да? — Лу Чунъюэ уже наелся, и настроение его заметно улучшилось. Он демонстративно прижал руку к груди и вытаращил глаза на Цзян Юаня. — С чего это вдруг? Мало того, что я за еду плачу, так еще и телом расплачиваться должен? Не жирно ли будет, а?

Хоть они и переругивались, Лу Чунъюэ всё же достал телефон и поднялся из-за стола, чтобы рассчитаться.

На ходу пролистывая список чатов — привычным и доведенным до автоматизма движением, — он рассеянно смотрел мимо экрана, пока не зашел в самый нижний диалог. Только тогда его взгляд снова вернулся на дисплей.

Дикий Монах.

Прозвище, данное Сю И, так никто и не сменил, а над зеленым пузырьком последнего сообщения значился далекий двенадцатый год.

[Я правда устал от тебя, давай расстанемся.]

Глядя на эти строки, Лу Чунъюэ словно наяву почувствовал ту детскую, наивную злость многолетней давности. Кривая усмешка тронула уголки его губ: ему ужасно хотелось отправить Сю И сообщение, но стоило пальцу коснуться экрана, как он тут же отдернул руку.

— Дружище, ты оплачивать собираешься? Если нет, давай я вперёд? — какой-то мужчина хлопнул Лу Чунъюэ по плечу, подгоняя его.

— А? Да, извините, — он торопливо вышел из чата и открыл сканер. — Я уже всё, сейчас, секунду.

Расплатившись, он стремительно сунул телефон в карман — так быстро, будто боялся, что пальцы снова сорвутся и он по глупости напишет Сю И.

Цзян Юань поднялся навстречу, направляясь к выходу, и серьезно произнес:

— Хватит ломать комедию. Если честно, ты ведь не собираешься домой? Хватит уже деньги отелям дарить, езжай ко мне.

Лу Чунъюэ тут же возразил:

— Что за глупости? Приеду я, и ты ведь не станешь с меня настоящую плату за проживание брать.

— Братец, неужели мне жалко тех грошей? Обязательно заставлять меня говорить: «Мы столько лет не виделись», «Я скучал» и всё в таком духе, да? М? — Цзян Юань вздохнул, а затем внезапно перешел в наступление: резко выбросил руку и крепко притянул Лу Чунъюэ к себе, закинув руку тому на шею. — Не болтай ерундой, поедешь ко мне. Избавишься хоть от дурацких мыслей в одиночестве, а то ведь, что б тебя, опять сорвешься к бывшему бегать, мало позорища было...

— Тьфу, тошнотворный какой! Всю душу наизнанку вывернул, заткни ты наконец свою поганую пасть!

От этого выпада Цзян Юаня Лу Чунъюэ даже немного расслабился.

На его лице снова появилась привычная усмешка, и он, пригнувшись, выскользнул из объятий друга:

— Ладно-ладно, поеду я, доволен?

Цзян Юань тоже заметно повеселел. Лу Чунъюэ уже шагнул впереди и почти добрался до припаркованной машины. Проводив его взглядом, Цзян Юань посмотрел на собственную руку и несколько мгновений молча сжимал и разжимал кулак.

4.

Цзян Юань хотел уступить ему спальню, но Лу Чунъюэ наотрез отказался и сразу после душа рухнул прямо на диван.

Если Сю И был бескрайним морем, то число импульсов написать ему за все эти годы походило на горсть песка, случайно зажатую в кулаке на берегу — их было просто невозможно сосчитать.

Но каждый раз он сдерживался, верно ведь? Даже вернувшись в город Т, он не потерпит поражения.

К тому же, Сю И вполне мог давно уехать. Сбежать, как он сам, или начать новую жизнь,

правда?

Никто не остается на одном месте вечно.

Лу Чунъюэ с досадой зарылся лицом в диванную подушку. Усталость пробиралась до самых кончиков нервов, но уснуть он никак не мог. Стоило закрыть глаза, как перед мысленным взором возникало всё подряд: школьный плац, трибуны и газон, железные двухъярусные кровати в общежитии, тусклые фонари на улочке с закусочными...

Ощущение удушья пробивалось сквозь мягкую подушку, давя на грудь. От набивки исходил едва уловимый древесный аромат — от него везло какой-то приторной «гейской» романтикой. Лу Чунъюэ хрипло рассмеялся, разжал пальцы, глубоко вздохнул, резко сел и снова открыл чат с Сю И.

Плевать. Проиграю так проиграю, победителю всё равно грёбаную грамоту не дают.

[Я вернулся в город Т. Побуду здесь пару дней, если есть время — давай встретимся.]

Он лихорадочно выстучал сообщение, словно боясь передумать, тут же отправил его и, нервно покусывая кончик пальца, уставился на экран.

Три минуты.

Пять минут.

Десять минут.

Никакого ответа. Не было даже надписи о том, что собеседник печатает.

[Два дня.]

Лу Чунъюэ отправил еще одну реплику. Ему хотелось убедиться, что его не заблокировали, да и боялся, что Сю И на том конце провода станет слишком долго сомневаться и упустит момент. Пусть вероятность этого казалась микроскопической, он всё же счел нужным подчеркнуть, что уедет уже через два дня.

Красного восклицательного знака не появилось.

Он почему-то почувствовал себя полегче.

Лу Чунъюэ зашел в ленту Сю И: записей кот наплакал, всю историю аккаунта от создания до

сегодняшнего дня можно было охватить одним взглядом. Самая свежая датировалась периодом незадолго до их расставания.

Почему нет ничего нового?

Даже если тот не любил постить всякую всячину, неужели за столько лет у него не нашлось ни единой вещи, которой хотелось бы поделиться с окружающими?

Неужели его заблокировали?

С недоумением в сердце Лу Чунъюэ вернулся в чат — Сю И по-прежнему молчал.

— Да пошел ты, мертвый монах.

Не в силах найти хоть какое-то объяснение, он со злостью выругался, заблокировал экран, небрежно швырнул телефон в сторону журнального столика и снова натянул подушку на голову.

Черт, вечно одно и то же.

Неважно где — при личной ли встрече, в сообщениях или по телефону, — Лу Чунъюэ вечно оказывался тем единственным, кто вел этот бесконечный монолог: то возбужденный, то разгневанный. А Сю И сидел с неизменной кислой физиономией, и никакие слова не могли выбить его из колеи.

Даже во время ссор: пока Лу Чунъюэ в мыслях успевал сменить с десятков эмоциональных оттенков, Сю И хранил молчание. В конце концов любая стычка неизменно скатывалась в «драку» на постели, а после примирения всё вставало на свои места.

Именно поэтому Сю И и получил прозвище Дикий Монах. И дело было не только в том, что его имя созвучно перевернутому имени монаха Исюя — просто Лу Чунъюэ казалось, что хоть какие-то признаки нормального человека со всеми мирскими страстями просыпаются в нем исключительно в постели.

<http://bllate.org/book/26733/3201680>